

ВОСПОМИНАНИЯ

ВИРАЖИ ЖИЗНИ, или НЕСКРОМНО О СЕБЕ

«Жизнь прекрасна и удивительна...»
Владимир МАЯКОВСКИЙ.

Предисловие

Не думал заниматься описанием своего жития. Кому оно нужно о жизни простого рядового человека? Да и ничего в ней необыкновенного не было. Родился, крестился, учился, трудился и стал на пороге бескрайней бездны земного времени, которого, по законам природы, уже не охватить.

Писать о себе - непростое дело. Что-то нужно недописать, а что-то так и тянет прибавить. Человеку свойственно чувство собственной значимости. А писать о себе нужно объективно, правду и только правду. Многим из нас приходилось писать свою биографию при устройстве на работу, вступлении в общественно-политические организации, зачислении в учебные заведения. Это краткие автобиографические справки. Так раньше требовалось. Но написать о своём жизненном пути для прессы и других публикаций мне никогда в голову и мысль не забрела. По моим нравственным убеждениям, это совершенно не к лицу и весьма нескромно. А скромности всегда украшала человека. Сейчас, правда, судя по фейерверкам в честь юбилеев высокопоставленных, но ещё далеко не заслуженных «избранных народа», понятие скромности отодвинуто куда-то далеко и считается у героев настоящего времени ненужным для жизни элементом человеческой этики, так же, как и понятие порядочности.

И всё-таки, перешагнув через свои принципы, я вынужден был взяться за перо и пространно писать о себе. Прошу не судить меня строго. Вынудили меня на это мои земляки, жители села Терентьевского. Задумали они к юбилею области издать книгу об истории села и рассказать в ней о своих достойных и когда-то известных людях. Попросили они меня написать биографию своего отца, при жизни достойного и уважаемого человека в селе. Отца я очень любил и уважал как трудолюбивого, скромного, честного и порядочного человека. Ветеран Великой Отечественной войны, он был классным авиамехаником, механиком по сельхозмашинам и геологическому оборудованию и мастером на все руки. Писать о нем можно было сколько угодно. Просьбу заведующей библиотекой села я с удовольствием выполнил. Но проходит некоторое время - и новая просьба: «Дайте, пожалуйста, нам свою биографию». Боже мой! А это ещё зачем? Чем я там отличился? Разве что хорошо учился, играл на сельских сабантуях на гармошке, пахал и сеял в свободное от учёбы время. Ах, да! По моим эскизным чертежам жители Терентьевского соорудили монумент селянам, павшим в годы Великой Отечественной войны. Ну так это же мелочь! Но просьба есть просьба, и её нужно выполнять. Я написал обычную, как и раньше, автобиографию и отправил просителю. Через день-два - звонок. «Напишите просторней, как вы

написали про отца». Честно говоря, моя душа не лежала к этому. Я немного расширил свою «жизнь», но тут же написал и приложил пространное описание жизненного пути своего школьного друга, односельчанина и одноклассника - генерал-майора Александра Васильевича Лысухина. Он прошел свой служебный воинский путь от курсанта Новосибирского военного общеобразовательного училища до командира дивизии, командующего одного из округов на западе Союза, военного советника ряда зарубежных стран и, в финале, начальника знаменитого Краснознамённого Ташкентского высшего командного военного общеобразовательного училища. По-моему, этот человек более достоин внимания и уважения села, в котором он родился, вырос и сформировался как личность, чем моя персона.

Однако и это не помогло, и меня еще раз попросили отправить автобиографию. Делать нечего, было бы совсем нетактично не выполнить эту настоятельную просьбу, тем более - милой женщины, работницы культуры села, о которой я часто с благодарностью вспоминаю и которой я так многим обязан. Поэтому пришлось еще раз сесть за пишину и сделать её примерно так, как просили. Всё в ней написано так, как это было на самом деле в те далёкие нелёгкие времена. Над всеми нами веял дух романтики, мы верили в светлое будущее, всей душой стремились к нему и делали для него всё от нас зависящее. Но зло всегда ходит рядом с добром. Нельзя забывать слова Юлиуса Фучика: «Люди... будьте бдительны!» И сейчас, стоя уже «на краю», мне, как и многим моим сверстникам, не бывает «мучительно больно за бесцельно прожитые годы», и нас «не жжет позор за подленькое мелочное прошлое». Мы не растаскивали по карманам национальное достояние, не крушили дворцы культуры, не разоряли фабрики, не останавливали заводы и не закрывали шахты. Мы создавали их. Мы не растлевали души подрастающего поколения картинками, красивой закордонной жизни, а вселяли в них всё доброе, что передавалось нам из поколения в поколение нашими предками.

Анализируя прожитые годы, считаю, что мне крупно повезло в том, что я благополучно появился на белый свет у своих, светлой памяти, милых и добрых родителей, и не где-нибудь, а в солнечной Евпатории, в большом двухэтажном особняке моего деда, что стоит метрах в трехстах от нового евпаторийского пляжа Черног моря. В этом доме я и был крещён. Правда, день для моего рождения - 18 июня 1934 года - выпал не совсем удачно. В этот день за год до моего появления на свет Божий умерла моя бабушка, а через два года умер Алексей Максимович Горький.

Мои родители: отец Федот

Романович, выходец из бедной мящанской семьи, и мать Алла Ахиллесовна, дочь грека Ахиллеса Газиса. Он около 20 лет проработал главным архитектором Евпатории, а после 1917 года эмигрировал в Грецию - в город Солоники, оставив жену и восьмилетнюю дочь. Он дважды возвращался, уговаривал их уехать с ним, но моя бабушка наотрез отказалась покинуть родину своих предков.

Отец окончил два класса церковно-приходской школы. В конце 20-х годов - школу механизаторов сельского хозяйства, работал главным механиком совхозов, МТС и геологоразведочных партий и всю жизнь, как говорили учащиеся терентьевской школы, где он преподавал трудовое обучение, был «на все руки докой».

Мать имела незаконченное среднее образование. До замужества занималась хореографией (балетом), неоднократно была чемпионкой Крыма по метанию диска. До появления на свет четвертого ребенка работала бухгалтером-счетоводом, а после занималась домашним хозяйством. Любила книгу, балльные танцы, кроме всего прочего, шила прекрасные маскарадные костюмы, которыми пользовались односельчане на новогодних праздниках и свадебных торжествах. Её палисадник летом всегда благоухал разнообразными необычными для Сибири цветами. Вырастили родители пятерых детей и приемную дочь, которую взяли к себе в первый месяц совместной жизни.

Раннее детство, как и все, помню отрывочно. Наиболее детально - с 1940 года. Помню солнечный Крым, огромное голубое небо, в котором в майские праздники всегда появлялись стерильно белые купола парашютов, яркое солнце, волнующий от жары горизонт, бирюзовую гладь Сакского озера с легко скользящими белыми парусниками и по вечерам - духовой оркестр в курортном саду города Саки. Оркестр играл классические балльные танцы для отдыхающих в санаториях города.

Читать и писать научился в пятилетнем возрасте. К семи годам читал все, что попадало под руку: сказки, детские рассказы, издаваемые в то время в серии «Мои первые книжки», и даже избранные произведения А.С. Пушкина, хотя в них, кроме сказок, мало что понимал.

В 1941 году мне предстояло идти в первый класс, но, увы, началась война. Отец, как и все, ушел на фронт. Пришлось свои познания пополнять «чтением» и наблюдениями за всем, что происходило вокруг. Жадно к чтению была настолько велика, что, преодолевая страх, за очередной книгой приходилось идти через татарские окрестности города Саки, где было много огромных собак, которые неоднократно набрасывались на меня и рвали штаны, иногда больно кусали. Да и татарчата были слишком задирсты. В городе Саки в небольшом домике жила женщина, которая перед оккупацией переехала к себе городскую библиотечку, и многие тайно ею пользовались. Первым прочитанным мной серьезным произведением было «Путешествие Гулливера» Джонатана Свифта. Эта книга произвела такое впечатление, что в последующие годы я перечитал дневники и записки буквально всех реальных путешественников от Марко Поло до Ганзелки и Зикмунда. Читал я даже по ночам, прикорнув где-нибудь к цоколю своего дома, во время бомбежек то нашей, то немецкой авиацией Михайловского аэродрома, что находился за Сакским озером. Всегда перед бомбежкой сбрасывались на парашютах осветительные ракеты, а они светили долго, и было светло, как днём. Так что читай сколько угодно на дармовом освещении да остерегайся бомб и осколков. А все жильцы дома, в котором мы жили, в это время скрывались в бомбоубежище. Так тянулись долгие два с половиной года оккупации.

Война началась для всех нас неожиданно. Севастополь был далеко, и мы не слышали первого налета на этот город. Но весть о бомбежке Севастополя утром 22 июня прилетела к нам раньше сообщения по радио. Я помню удрученные лица взрослых, и нам, ребятишкам, от этого стало грустно, мы как-то притихли и присмирели. Помню первый налет на Евпаторию, на военный аэродром. Белые купола разрывов снарядов наших зениток на голубом небе. (Мать очень беспокоилась, так как отец сообщил, что приписан на воинскую службу на этом аэродроме. Её беспокойство имело реальное подтверждение: отец в тот день был тяжело ранен осколком в руку, но от госпитализации отказался и продолжал готовить наши самолёты к вылетам. Мне неоднократно приходилось наблюдать за воздушными боями наших истребителей с немецкими мессерами.)

В сентябре по шоссе мимо нас потянулось в сторону Севастополя колонны автомашин с людьми и техникой. Крым стал эвакуироваться. Наш посёлок опустел. Мало кто выходил на улицу. Изредка на возвышенностях появлялся зелёный военный фургон, из него выходил кто-то в зелёной гимнастёрке, затянутой портупеи, с планшеткой на боку, и осматривал в бинокль окрестность. Казалось, вся природа замерла и напряжённо ждала прихода нежданных коварных гостей. В пасмурный день конца октября на нашем шоссе появились первые подразделения немцев. Они шли, приближаясь к городу Саки, стройными колоннами, как на параде. Из нашего посёлка, кроме нас, вездесущих пацанов, никто их не встречал. Из города немцам навстречу на белых лошадях выехала группа празднично одетых крымских татар. Колонна немцев остановилась. Один из группы - пожилой татарин - соскочил с седла. Ему подали на полотенец каравай, и он, низко склонив голову, преподнес немецким офицерам «хлеб-соль». Началась долгая, в два с половиной года, окку-

пация Крыма.

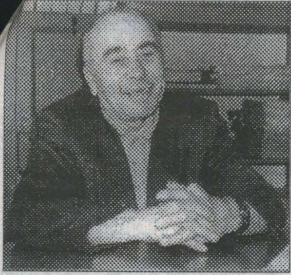
Этот период моего жития цепко врезался в мою память и отдельными кадрами до сих пор стоит перед глазами. Расстрел на наших глазах более сотни евреев - женщин, детей, стариков - в прекрасном абрикосовом саду. Говорили, что ещё целую неделю из засыпанного рва в абрикосовом саду тихой крымской ночью слышались стоны и шевелилась земля. Я помню бой трёх наших партизан с немцами в деревне Дмитровке, когда на поле боя остались лежать более сорока рыцарей третьего рейха. Мне пришлось видеть казнь сакских подпольщиков, повешенных на городском рынке, и многие другие жестокости того сурового времени.

Недели через две после массового расстрела евреев к нам в квартиру вошли два гестаповца и потребовали следовать за ними. Кто-то донёс, что моя мать и мы, её дети, тоже евреи. Младшему из нас было чуть более трёх лет. Нас привели в комендатуру Сакского гестапо и поставили лицом к каменной оградке. Конвоиры вошли в комендатуру. Мать, плача, уговаривала нас не плакать. Плакала моя старшая сестра, ревел младший брат. Я прекрасно все понимал: я уже видел смерть человека и боялся этой мгновенной боли, которая вот-вот пронзит меня. Но какое-то равнодушие охватило меня, и я, насупившись, молчал. Я очень хотел есть. Таково сильное чувство голода мне не приходилось испытывать ни до того, ни после. Сзади нас за маленьким столиком с автоматами на коленях сидели два солдата и играли в домино. От удара костяшками по столу у нас ёкало сердца и тела наши вздрагивали. Вышел один из конвоиров и пригласил матушку в помещение. Через некоторое время, вся в слезах, вышла мать, взяла нас за руки и вывела из того злосчастного места. Домой мы не шли - мы бежали. Оказалось, по слезной просьбе матушки, что она докажет, что она не еврейка, офицер гестапо дал ей сутки на сбор подтверждающих документов. Целые сутки мы искали нужный документ. Только ранним утром следующего дня он был найден в отцовской библиотеке в одной из книг. Усталые и изможденные страхом, мы легли и крепко заснули. И опять стук в дверь, и опять те же конвоиры. Я протёр глаза, посмотрел на мать и ужаснулся. Передо мною стоял с первого взгляда незнакомый мне человек. Измождённое лицо, опущенные глаза и волосы, вчера ещё чёрные, как смоль, были цвета пепла. Тогда ей было тридцать три года.

Нас спасла «справка-прошение» моей прабабушки к царю Николаю II о назначении ей пенсии как вдове действительного статского советника, а на обороте справки - штамп Бердянской православной церкви о венчании моей бабушки и деда и свидетельство о браке моего отца и матери.

Николай ЖАЙВОРОНОК.
(Продолжение следует).

ВОСПОМИНАНИЯ

ВИРАЖИ ЖИЗНИ, или
НЕСКРОМНО О СЕБЕ

(Продолжение. Начало в № 125 от 4.11.2003 г.)

Я рос маменькиным сыночком. Мать меня очень любила и, поговядила нас пуховыми подушками и садилась рядом с нами. Когда что-то свистело и гремело, она прикрывала нас своим телом. И на этот раз она сделала то же самое. Мы не спали. Я постоянно у неё просился сбегать в туалет. Она отпускала меня и просила быстро вернуться назад. Я наглым образом обманывал мать. Мне не хотелось в туалет. Мне хотелось из окна кухни, выходящего в сторону города, посмотреть, что там творится вокруг. За пригорком пылал огромный пожар. Очевидно, горел состав или резервуары с горючим. На фоне этого пожара, как в теновом кино, по торной дороге, в объезд шоссе двигались отступающая немецкая техника и солдаты. При удачном попадании снарядов техника переворачивалась, загоралась, создавая пробки, немцы падали как подкоженные. Конечно, для меня, десятилетнего пацана, это было великолепным зрелищем... В глубокую ночь с 12 на 13 апреля, когда артиллерийская и прочая канонада стала стихать, в дверь нашей квартиры постучали. Матушка поднялась, подошла к двери и спросила: «Кто там?» - «Свои, на минутку», - был ответ. Матушка открыла дверь. В комнату вошли двое военных в гимнастёрках защитного цвета с погонами на плечах. Помню мгновенное замешательство матушки. Знаки отличия наших военных перед войной были совсем другими. И только звёздочки на пилотках решили всё. Материнские слезы, объятия. «Извините. Мы сделали своё дело. Вы освобождены. Можно немного и расслабиться. Не найдётся ли у вас чего-нибудь горячительного?» - спросил один из солдат. - «Боже мой! Да какой разговор!» Мать побежала на кухню, разгребла ворох кукурузных початков и принесла бутылку. «Вот, возьмите, довоенная. Сберегла к дню освобождения. Пейте на здоровье и берегите себя»...

9 мая 1944 года, за год до Великой Победы, были разгромлены остатки немецких войск под Севастополем и Крым был полностью освобожден. Радости нашей, казалось, не будет конца. Но 27 июня 1944 года в четыре часа ночи в дверь нашей квартиры вновь резко и настойчиво постучали: «Откройте!» НКВД. Согласно постановлению Народного комиссариата, вы подлежите высылке в места не столь отдаленные. 20 минут на сборы. Машина во дворе». Матушка опять была в слезах, собрала наши скромные, оставшиеся после оккупации пожитки в один небольшой узел, и мы молча вышли во двор. В машине, прижавшись друг к другу, сидело несколько семей. Бортовой ЗИС взял направление на Евпаторию. Слева по борту волновалась Чёрное море. Дул холодный морской ветер. Вдоль берега то тут, то там появлялись разбитые катера, шаланды и баркасы. По берегу были разбросаны разлагающиеся трупы. Волны накатывали на них, пытались стащить их в море и помочь людям отправить убиенных в последний путь, но тщетно. Неприятный запах тлена и холодный ветер угнетали нас ещё больше. А справа с востока поднимался огромный алый диск солнца. Прощай, море, прощай, солнечный край...

Через 21 сутки кошмарного движения в товарных вагонах, в которых до этого возили стекловату, мы, как многие другие репрессированные, прибыли в город Прокопьевск, на подъездную станцию шахты имени Молотова, а потом на тракторных тележках - на окраину Прокопьевского района, где сейчас находится поселок Майский. Тогда там, на девственных целиках, была одна землянка, в которой жил управляющий подсобным хозяйством - некто Жбанов. После нашего появления там поселение так и называлось - Жбановским. Сначала полевые палатки, в которых нам пришлось жить до декабря, потом землянки и позже - каменное холодное жильё. Холод, голод, вши, грязь, болезни и смерть. Шла война, и на лучшее рассчитывать не приходилось. В декабре 1944 года в одной более или менее просторной землянке открылась примитивная школа. Мне пришлось походить в нее около месяца. Букварь и таблицу умножения я уже знал. Делать там мне было уже нечего. Первая суровая сибирская зима, легкая одежда, вероятность заболеть. И мне пришлось вернуться на нары, поближе к печке, и заняться чтением книги «Путешествие Миклухо-Маклая к папуасам». С ранней весны 1945 года я уже работал подмастерьем в столярке, потом плёл из ивовой лозы корзины с одним дедом, который постоянно пел во время работы грустные русские песни и приучал меня к пению.

Радостный май 1945 года. Возвращение после долгих поисков к семье отца. Он добился приёма лично к Берии, и нас сняли с учёта комендатуры... без права выезда в Крымскую АССР. И на том спасибо! Отец часто рассказывал, как он встречался с «вершителем человеческого судьбы», как он вошёл в солдатской шинели с орденом Красной Звезды на груди в кабинет наркома и представлялся. Берия, приподняв пенсне, долго рассматривал пришельца, потом спросил: «В чём дело?» Отец кратко изложил суть своей просьбы. Нарком потянулся рукой к столу. «Душа моя», - рассказывал отец, - съезжилась, по телу побежали мурашки. Но вошел из приёмной полковник, и Берия дал распоряжение...

В октябре 1946 года семья переехала в село Терентьевское по месту работы отца. В ноябре 1946 года по справке, выданной мне примитивной школой, о том, что я окончил «на отлично» первый класс, я иду во второй класс терентьевской школы. Первая моя учительница Мария Михайловна Мамаева сразу определила мои способности к письму и рисованию и поручила мне оформлять модную в то время классную газету... Прекрасные школьные годы!

В 1948 году вступил в комсомол. Был секретарем комитета комсомола школы. За время учебы имел две или три похвальные грамоты за отличную учёбу и примерное поведение. Учёба мне давалась легко, и у меня на всё хватало времени: и на комсомол, и на помощь родителям по хозяйству, и на драмкружок, и на радиолюбительство, и на рисование, и на полночные молодёжные сабанту под мою гармонию.

По окончании 7 класса подал документы в Новокузнецкий металлургический техникум. Директор школы Михаил Иванович Устюжанин долго уговаривал меня не делать этого. Я свое решение мотивировал тем, что мне уже 18 лет, и стыдно висеть на шее у родителей. Но, прочувшившись месяц и побывав в доменном цехе, я, привыкший к бескрайним просторам природы и чистому воздуху, сказал: «Пас! Это не моя стезя!» - и меня сильно потянуло в родное село. Я забрал документы и вернулся домой, не зная, что предпринять.

Ещё в 1950 году я сдал экстерном экзамены на тракториста и в летние каникулы работал в тракторных бригадах МТС.

Весной 1952 года пересдал также экстерном экзамены на право вождения дизельных тракторов и после несостоявшейся учёбы в техникуме подумывал устроиться на постоянную работу в Черкасовскую МТС. Жили мы бедновато. Семья большая и один кормилец, с малым сельским окладом, несмотря на высокий служебный пост. Но родители мои были «оптимистами», и у меня появилось новый младший брат. Сейчас он классный специалист по наладке карьерных экскаваторов и имеет два инженерных диплома: советский и американский.

Меня вызвал к себе директор школы. Я зашел к нему в маленький кабинет. Он, в своем повседневном кителе, в галифе и хромовых сапогах, приподнял правую бровь, строго смотрел на меня.

- Ну что, вернулся, блудный сын? Давай документы назад и сейчас же иди в 8-й класс. Учтись в любом возрасте не стыдно. И я продолжил учёбу в школе. Но мысль о том, что я переросток и сижу за парты с мальчишками и девчонками 14-15 лет, не давала мне покоя. В 1953 году, успешно окончив 8 класс, я опять ушел в тракторную бригаду, на Котинские и Сутолинские поля...

...Ночная смена. Утро погожого июньского дня. Медленно всходит солнце. На зеленом склоне в лугу водят хоровод журавли: поднимая клювы к небу и подпрыгивая, протяжно курлыча и пританцовывая, идут по кругу. Красота неописуемая! И столько свободы и чистейшего воздуха! Я останавливал трактор и долго любовался этим балетом природы.

И опять беспоконная мысль: «Неужели учиться два года? Так мне же стукнет 21 год! А что, если я из 8-го класса сяду сразу в 10-й класс?» Бросаю сменщик трактор и еду к директору школы.

- Нет, - говорит директор, - не могу. Районо не пропустит. Как я могу определить твои знания по 13-ти предметам, изучаемым в девятом классе?

- Хорошо, - ответил я. - Я сдам экзамены экстерном за весь курс 9-го класса. Когда сдавать?

- В конце августа!

Он опять поднял правую бровь и посмотрел на меня.

В августе 1953 года, за неделю до начала нового учебного года, мои знания по всем 13-ти предметам за 9-й класс были проэкзаменованы. Одну «тройку» по органической химии поставила мне преподаватель за то, что я не совсем точно написал длинную формулу «грушевой эссенции».

В 1954 году, ровно в 20 лет (18 июня), сдал последний школьный экзамен на аттестат зрелости. Мне кажется, все односельчане полагали, что я пойду по стопам отца и поступлю в сельскохозяйственный институт. Но один из моих школьных друзей, выпорхнувший из школьного гнезда на год раньше меня, но моложе меня на два года, привлекательно обрисовал мне Новосибирск и инженерно-строительный институт. И я поступил туда, не жалея об этом в дальнейшем.

Прекрасная высшая школа! Замечательные студенческие годы! Лекции, зачеты, сессии, спорт, самодеятельность, театры и кино. Прекрасный профессорско-преподавательский корпус, много кандидатов, докторов и членов академии наук. Они много нам дали, чтобы мы были грамотными инженерами, и я часто с теплотой и благодарностью вспоминаю о них. Несмотря на материальные трудности в семье, родители, как могли, помогали мне, и у меня на всё хватало и скромных средств, и времени.

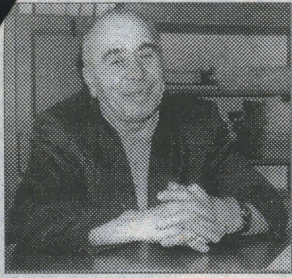
В институте я был активным членом бюро комсомола факультета, членом комитета комсомола института, награждался Почетной грамотой Новосибирского обкома ВЛКСМ. Занимался в основном культурно-массовой работой. Постоянные контакты с видными деятелями литературы и искусства давали мне общее развитие. Посчастливилось мне немного позаниматься в литературной школе при Сибирском отделении Союза советских писателей и познакомиться с такими известными писателями Сибири, как С. Сартаков, А. Иванов, Г. Федосеев и многими другими. Имел по комсомольской работе постоянные контакты с Новосибирским театром оперы и балета, с главным хормейстером театра, заслуженным деятелем искусств СССР Е.П. Горбенко, руководившим нашим студенческим хором.

Я основательно приобщился к классической музыке и стал страстным меломаном.

В 1956 году мне пришлось принять участие в организации при институте первой за Уралом любительской студенческой киностудии «НИСИ-фильм», и я был некоторое время - до 1958 года - ее главным директором. А ее главным вдохновителем Лёня Сикарук носит сейчас звание «Заслуженный деятель искусств РФ».

Николай Жайворонко. (Окончание следует).

ВОСПОМИНАНИЯ

ВИРАЖИ ЖИЗНИ, ИЛИ
НЕСКРОМНО О СЕБЕ

(Окончание.
Начало в № 125
от 4.11.2003 г., № 127
от 11.11.2003 г.)

В 1957 году по договоренности с деканатом я отработывал институтские сельхозработы в Черкасовском совхозе. Как-то я провожал до калитки подружку школьных дней Валентину Ивановну Лысухину, и мы задержались - беседовали обо всем. В это время подошел ее отец Иван Иванович.

- Ну что, всё еще стоите? Хватит вам мои заборы отбирать. Завтра берите свои паспорта, две бутылки водки и - ко мне, в сельсовет.

Он в то время работал председателем Терентьевского сельского совета. О нашей длительной школьной дружбе с Валентиной знало все село, и мы этого не скрывали. 27 сентября в паспорте стоял штамп, что мы зарегистрированы в законном браке. На следующий день мы разъехались по своим местам учебы и встретились 6 ноября того же года, в день свадьбы. И после свадьбы опять разъехались. Но в положенное природой время у нас появился сын. И мы начали совместную жизнь, со всеми ее заботами, радостями и печальми.

В 1959 году, защитив дипломную работу «на отлично», я выбрал направление на работу, поближе к родителям - своим и жены, в комбинат «Кузбассшахтострой». Комбинат направил меня в трест «Проктопьевскшахтострой», и трест определил меня в город Киселевск, где в то время бурно развивалась угольная промышленность и социально-культурное строительство. «Служебная лестница» подносящая надежды молодого инженера-строителя: строймастер, прораб, старший прораб, начальник участка и т.д.

Моем первым причалом оказалось Киселевское шахтостроительное управление и конкретный объект - шахта № 4-б (ныне «Краснокаменская») - строительство шахтной поверхности.

- Вот, видишь эту кипу документации, -ставлял меня главный инженер управления В.Х. Роенок, впоследствии начальник комбината «Киевпромстрой», - изучи ее досконально, ибо близится горячая пора стройки и нам нужен там инженер, знающий хорошо проект. Людей пока тебе не дадим.

Около полугода мне пришлось копаться в пачках чертежей, рассортировывать их и

систематизировать. Изредка ко мне заезжал главный инженер. Я бунтовал, просился на настоящую кипучую работу. Но - сначала потихоньку, а потом нарастая, на пустыре стали появляться строители и механизмы. К 1962 году численность рабочих на моем участке, а я уже был начальником промплощадки, достигла 250 человек. Работа велась на больших и малых 47 объектах в три смены. В моем подчинении, кроме рабочих, было два прораба, четыре мастера, слесарь-механик и табельщица-кладовщица.

В 1960 году у нас с Валентиной родилась дочь. К сожалению, в малом детском возрасте я ее не помню. На работу - к 7.00, после работы - домой в первом часу ночи. Ухожу - спит, прихожу - спит.

В 1964 году шахта № 4-б и ее новый горизонт были сданы в эксплуатацию. Я часто вспоминаю и горжусь тем, что мне пришлось работать под руководством прекрасных специалистов, таких, как герой Соцтруда начальник комбината Владимир Иванович Воробьев и главный инженер Исаак Владимирович Баронский, руководителей треста «Проктопьевскшахтострой» Владимира Ивановича Климова и Лукьяна Павловича Петрова, Киселевского ШСУ - Николая Сергеевича Секуторова, Владимира Харлаповича Роенка, Леонида Александровича Горшкова, Анатолия Павловича Зайцева и многих других профессионалов и добрых людей.

Но в 1963 году, когда все объекты шахты были воздвигнуты и оставались отделочные работы и монтаж оборудования, ГК КПСС перевел меня в Киселевский горисполком на должность главного архитектора города, где мне пришлось проработать до 1971 года. Конечно, это была инициатива первого секретаря ГК КПСС Л. Горшкова, который до 1963 года руководил Киселевским ШСУ. Мне не хотелось расставаться с людьми, с беспокойной, сложной, ответственной, но интересной работой.

Но, как говорилось в то время: «Партия сказала: «Надо!» - комсомол ответил: «Есть!»». Пришлось срочно перестраиваться, так как в высшей школе нам давали только краткую историю архитектуры, и о вопросах градостроительства я имел смутное представление. Градостроительство, как оказалось, - сложный комплекс социально-экономических, строительно-технических, архитектурно-художественных, а также санитарно-гигиенических проблем. Кроме того, нужно хорошо знать природно-климатические условия района, нормативную базу проек-

тирования городов, историю и перспективность развития города. Ответственность огромная. В архитектуре, как и в сапёрном деле, ошибаться нельзя. Признаться, определив экспромтом свое новое назначение и ответственность, я засомневался в том, что справлюсь с этой работой. Да и в так громко называемом Управлении главного архитектора города по штатному расписанию был всего один человек - главный архитектор. Кроме того, меня не устраивал и мизерный должностной оклад в 125 рублей. Пошёл на второй этаж к «первому». Он внимательно выслушал меня. «С окладом твоим я уже порешил. Будет персональная надбавка в одну пятую оклада, - сказал он, - больше не могу. У второго зампреда оклад 160 рублей. Увеличить штат не могу. Не положено. Да, объём работ большой, но я почему-то уверен, что ты справишься. Надо, надо помочь городу. В городе разворачивается социальная стройка, и в горисполком нужен грамотный инженер, знающий хотя бы строительное дело, а остальное приобретешь. Не боги горшки обжигают. Поработай годика два, а там посмотрим».

Но «смотреть» пришлось более восьми лет. Прямо скажу, было нелегко. Но меня всегда увлекала творческая работа. Да и мир не без добрых людей, особенно у нас, в России. С глубокой симпатией и уважением вспоминаю прекрасного человека, ветерана Великой Отечественной войны, участника первого и последующих парадов Победы на Красной площади Москвы, главного архитектора области Григория Александровича Глотова. Это благодаря его поддержке моей инициативы пересмотреть генеральный план города, а поддержка была не только моральной, но и финансовой, Киселевск получил возможность взять направление на Калзагай и построить современные микрорайоны Красного Камня.

Благодаря Г.А. Глову мне удалось по всем районам города разработать проекты детальных планировок, и Киселевск получил возможность планомерно застраивать Черкасов Камень, Зелёную Казанку, Афиноно. Я также благодарен специалистам тех времён Московского Гипрогора, проектных институтов нашей области и других городов страны. Не всё, конечно, получалось «без сучка и задоринки», были и конфликты, были жаркие споры и частое недоверие само собой: где-то можно было сделать и лучше, и значительно лучше.

...В течение семи лет рабо-

ты в Киселевском горисполкоме был секретарем парторганизации аппарата, постоянным народным депутатом городского Совета, но страшно не любил скучные партийные собрания, полусонные депутатские сессии и другие заседания и совещания, пожирающие массу драгоценного времени.

Как-то ко мне, в кабинет главного архитектора, заехал уважаемый мной односельчанин, доброй памяти, Николай Максимович Лысухин, работавший в то время председателем Терентьевского сельсовета. Я безумно обрадовался, так как виделся нечасто.

- Помоги, земляк, посоветуй. Задумал я к 25-летию Победы в Великой Отечественной войне воздвигнуть памятник односельчанам, погибшим в этой войне. Много их осталось на полях сражений.

- Какой разговор, Николай Максимович?! Забегу ко мне дня через три-четыре, я набросаю варианты эскизов.

И мы пожали друг другу руки.

К указанному сроку эскизы были готовы. Его послышный увез их инициатором. Через некоторое время, к юбилею, памятник был сооружен. Пожелтевшие копии выстроеного эскиза хранятся до сего времени в моем семейном архиве.

В 1971 году, выполнив свою задачу в городской архитектуре (генплан города и его утверждение, начало строительства нового жилого района Киселевска - Красного Камня - и многое другое), мне удалось вырваться из «уз Советской власти» и уйти на шахту «Краснокаменская», на должность заместителя директора шахты по строительству уже нового, III горизонта, где я с успехом и удовольствием проработал до 1976 года. А в 1976 году произошла очередная реорганизация управления угольной отрасли, и я был переведен в объединение «Проктопьевскуголь» с возложенной на меня обязанностью по строительству промышленного и гражданских объектов угольной отрасли по всему Киселевску. Но потянул меня опять ближе к производству, к людям созидательной профессии, и я перешел в Киселевское ШСУ № 5 на должность главного инженера. И здесь было много интересного в работе: и шитовой проход тоннеля для переброса реки Абы, и строительство объектов Сафоновской птицефабрики, и цех гальваники на заводе «Гормаш», и многое другое.

В 1983 году меня срочно вызвали в Киселевский ГК КПСС к заместителю министра

угольной промышленности СССР Е.Н. Рожченко, который предложил мне занять пост директора по капитальному строительству во вновь созданном производственном объединении «Киселевскуголь». На этой должности я проработал без малого 15 лет. Сейчас мне трудно даже перечислить те объекты, построенные в Киселевске при моем участии. И на склоне лет от этого на душе отрадно. Жизнь прожита не зря.

И скажу, что нам, моему поколению, есть чем гордиться, и мы не посрамили своими делами большие начинания наших отцов и дедов.

С шестидесяти годов занимаюсь генеалогией, поиском своих родовых корней и, прямо скажу, что во многом преуспел в своих поисках. Мои внуки теперь знают своих предков в двенадцатом колене, то есть предков, живших в начале XVII века, и многие из них вписаны в анналы российской истории. И я, без всякой спеси, горжусь ими.

Не могу похвалиться большими наградами, но есть много грамот, медалей, ордена Шахтерской славы, звание «Почетный работник угольной промышленности». Как видите, список поощрений за мою трудовую деятельность весьма скромен.

Человек я не тщеславный и не стремился украшать свою грудь знаками отличия. Да это и не столь важно. Самой большой наградой для меня было и остается то, что я родился и вырос в этой чудесной стране под названием Советский Союз, что жил и работал в эпоху создания и великих свершений. Кроме того, всю свою жизнь я был достаточно награжден вниманием, доверием и уважением друзей, товарищей, коллег и простых людей, с которыми приходилось встречаться, и я премного им благодарен.

Подошли те годы, когда человеку пора оценивать свой пройденный путь, и когда я мысленно возвращаюсь к прошлому, всегда приходит чувство большой благодарности старшему поколению села Терентьевского. Среди этих людей проходило становление меня как гражданина. Особенно я благодарен школе, в которой учился, и педагогическому коллективу тех времён. Ведь это они дали мне путёвку в жизнь, и я стремился оправдать их надежды.

Пусть простят меня они: кто жив, а кого уж нет, если я сделал что-то не так. Совесть моя перед ними чиста.

Николай
ЖАЙВОРОНОК.